

УДК [321.01:94"1991/2016"](477)

УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА К НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ

Чемшиш А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Осуществляется политологический анализ украинского государственного проекта. В качестве исходного пункта выделяется романтический идеал, на который ориентировались инициаторы суверенитета Украины. Суверенитет, т. е. право на независимую власть государства, завоевывают в упорной борьбе. На Украине же в 1991 г. власть сама упала к ногам сторонников украинской независимости. Украинский суверенитет не есть заслуга украинского народа или элиты, он стал прямым следствием беспомощности советской партократии. Обращается внимание на идеологическое обоснование «незалежности» украинскими политологами и историками. Приводятся примеры из националистического наследия Н. Михновского и творчества М. Грушевского. С учетом поддержки Западом независимости Украины и не критического отношения к суверенитету со стороны правящего класса, ранний период украинской государственности автором трактуется как романтический. Автор отмечает, что в дальнейшем Украина столкнулась с жесткой реальностью. Учреждения государственных институтов, провозглашения далеко идущих планов, приподнятого настроения оказалось недостаточно для нормального функционирования государства. Автор приходит к выводу о том, что изначально Украина не обладала необходимой кадровой основой для суверенитета, что и выразилось в слабости государства. Следствием незрелости украинской элиты оказалась государственная недостаточность. Особенность украинской политической культуры состоит в отсутствии механизмов продуцирования государственной элиты. В результате украинская политическая культура продуцирует не национальную, а компрадорскую элиту – местечково-хуторянскую либо этно-олигархическую. Ввиду этого становится невозможным выдвинуть основополагающую объединительную национальную идею. Приходится опереться на нерусскую идею, а затем – и анти-русскую политику. Подобная стратегия государственности губительна по двум основаниям. Она не находит консолидации внутри и бесперспективна с внешней стороны. Автор приходит к заключению о том, что Украина в очередной раз продемонстрировала бесплодность в плане государственного строительства, пройдя путь от политического романтизма до национальной катастрофы.

Ключевые слова: политический романтизм, национальный суверенитет, государственный переворот, государственная недостаточность, национальная катастрофа.

Четверть века тому назад на политической карте мира появилось новое государство – Украина. На пути провозглашения и признания оно не встретило никаких препятствий, более того, процесс возникновения и конституирования его прошел в исключительно благожелательной обстановке. Редкий случай: без танков, без стрельбы, без массового столкновения сторонников и противников, без

информационной войны между супердержавами и региональными игроками, без нарушения норм международного права и т. д.

Внешне все выглядело так, будто бы многострадальному украинскому народу, веками стремившемуся к независимости и суверенитету, наконец-то сопутствовала фортуна и восторжествовала историческая справедливость. Как будто всем и сразу, как своим, так и чужим открылась истина: «Настало время, пробил час! Независимому государству Украине быть отныне и до скончания веков!»

Возникновение нового государства – Украины – протекало параллельно с развалом другого – СССР. Трагедия советского прошлого была поглощена торжеством украинского будущего. Начало украинского государственного суверенитета было пропитано духом политического романтизма – безграничной веры в благополучие и процветание Украины как «самостийной державы». Ещё в канун референдума о независимости средствами массовой пропаганды и агитации народу была внушена мысль, что положение Украины в составе СССР было едва ли не колониальным. Что распределение финансовых потоков было не в пользу Украины, что с Украины больше вывозят, чем ввозят, начиная с сала и заканчивая машиностроительной и металлургической продукцией. Что, обретя независимость, суверенная Украина тотчас исправит положение дел и обратит в свою пользу весь имеющийся у неё потенциал: энергетику, высокотехнологичные производства, науку, образование, аграрный сектор, геополитическое положение и т. д.

На пропагандистской авансцене появляется привлекательный слоган «Украина – вторая Франция». Почему Франция, а не кто-то другой? Потому, что Франция преуспевающая, не требующая рекламы страна, имеющая положительный имидж у украинцев, страна – законодатель мод, а самое главное, по размеру территории и по количеству населения один в один походит на Украину. Почему бы не сделать заключение, что украинцы ни в чем не уступают французам потенциально? Почему бы из Украины не попытаться сделать вторую Францию?

Интуитивные ожидания чего-то значительного из стартующего украинского проекта нуждались в определенном теоретическом обосновании. Оживилась интеллигенция, до сих пор ведшая себя политически пассивно. Даже заговорила на украинском языке, страдающем русизмами. Университетская публика обратилась к украинской политической мысли столетней давности и обнаружила там немало оптимистических суждений относительно Украины, доведись ей обрести независимость.

Так, М. С. Грушевскому – первому президенту УНР – принадлежит открытие закона суверенизации. Прослеживая закономерности, имеющие место в политической жизни этносов, Грушевский пришел к заключению, что «полная самостоятельность и независимость является последовательным, логическим запросом национального развития и самоопределения всякой народности, занимающей определенную территорию и обладающей достаточными задатками и энергией развития» [цит. по: 4, с. 46].

Таким образом, считает Грушевский, стремление к национальной самостоятельности в своей основе не является следствием чьей-то субъективной, частной воли (экстремистов, националистов), а выступает как объективная логика

саморазвития, поскольку народность, как и любая социальная система, не может не развиваться.

В этой связи нельзя не упомянуть Николая Михновского – основоположника и идеолога государственной самостоятельности Украины. Его идеи кардинально отличаются от доминировавших в дореволюционный период федералистически-автономистических течений в украинской социально-политической мысли. Он последовательно отстаивал идею независимости украинского государства. Выдвинув политическую концепцию образования «независимой суверенной Соборной Украины», Михновский положил начало новому политическому течению – украинскому национализму. Он сформировал 10 заповедей УНП – своеобразной национально-освободительной программы, определяющей цели движения за суверенитет. В первой «заповеди», собственно, сконцентрирована суть украинского национально-освободительного движения. «Единая и неделимая от Карпат и вплоть до Кавказа самостоятельная, свободная, демократическая Украина – республика трудящихся людей – вот он националистический всеукраинский идеал» [цит. по: 2, с. 443–444].

Начальная фаза украинского проекта нам представляется весьма романтической. При этом «романтикой» мы можем называть не столько возвышенные порывы духовной субстанциальности украинства, сколько оторванные от реальности мечтания о несбыточном. Проникновение в суть «политического романтизма» проще всего осуществить через сопоставление его с «политическим реализмом». Реализм предполагает планирование, учет всех наличных ресурсов, поправок на международный фактор, постепенность, линейное восхождение вперед и вверх от достигнутого. Примером может служить реализация проекта Дэн Сяопина в Китае или практика сталинских пятилеток в СССР. Политический романтизм, напротив, исходит если не из глобальной идеи (например, построение коммунизма за двадцать лет), то из крупного стратегического замысла (горбачевская перестройка, гайдаровские реформы). Украинский проект государственного суверенитета вполне вписывается в контекст политической романтики.

Политический романтизм был свойственен раннему (дореволюционному) большевизму. «Сначала надо ввязаться в бой, а там посмотрим». Вопрос о власти есть наиглавнейший вопрос в политике, затмевающий собой саму романтическую идею, будь то вопрос об упразднении эксплуатации или об обретении национального суверенитета. Осознав бесплодность идеи упразднения частной собственности, а значит, и эксплуатации, большевизм не отказался от власти, а ввел НЭП. Украина, провозгласив суверенитет, в лице своих лидеров быстро поняла, что «самостійно» не в состоянии управлять страной, тем не менее, от суверенитета не отказалась, а стала и оптом, и в розницу сдавать его Западу. На поверку, Украина с самого начала «незалежности» не избавилась от вассальной зависимости, а лишь сменила политического сюзерена.

Украинский проект изначально страдал острым, а затем и хроническим недомоганием – государственной недостаточностью. Украинская нация, несмотря на многочисленность, на протяжении нескольких столетий решала проблему

независимости и нельзя сказать, что это имело значительный успех. Сам по себе этот факт заслуживает не только политической аналитики, но и историсофского осмысления. Напрашивается до банальности простой вопрос: если нация в продолжение 400 лет не смогла сложиться в суверенное государство, то что такое особенное должно было произойти в её этно-генокоде, что сделало бы это возможным сейчас? Конечно, можно сослаться на изменение миропорядка, распад советской империи, «торжество европейских ценностей» и т. п., но главный вопрос – вопрос о внутренней способности к суверенизации – остается открытым.

Ещё раз вернемся к Грушевскому. Его закон суверенизации связывается не только с территориальными владениями, но и находится в прямой зависимости от «энергии развития» народа. В этой связи стоит оценить гибкую теоретическую позицию академика, не настаивавшего на жесткой неумолимой связи между политической независимостью нации и возможностью её свободного развития. «Народность, – подчеркивал он, – для своего развития не нуждается непременно в политической самостоятельности» [цит. по: 4, с. 46]. Из рассуждения Грушевского следуют как минимум две идеи. Первая состоит в большом сомнении относительно энергии народа, без достаточности которой вопрос о суверенитете выглядит проблематично. И вторая – Грушевский не видел в отсутствии самостоятельного украинского государства трагедии для украинской нации, развитие которой вполне представлялось возможным в рамках большого многонационального государства.

В своё время, Тарас Шевченко – великий поэт и пророк украинского народа своим творчеством поведал соплеменникам о «богопокинутости» украинской нации. По аналогии с ветхозаветными сюжетами Бог отвернул свой Лик от украинского народа, по сути, осиротив его. Правда, у Шевченко мы встречаем и оптимистические суждения относительно будущности Украины, но трагические страницы украинского бытия в творчестве Кобзаря прописаны куда как убедительнее, чем предсказания благополучия. Государственная недостаточность – своеобразный врожденный «порок сердца» Украины. Она проявилась с первых дней и не покидает Украину до настоящего времени. Государство достаточно быстро показало свою неконкурентоспособность на мировой авансцене. Произошел отказ от ядерного оружия, обнаружили изъяны энергозависимости, неплатежеспособности, невнятности внешней политики.

Внутри государства стремительно нарастали кризисные явления. В 90-е годы Украина погрузилась в гиперинфляцию, экономическую стагнацию, массовую безработицу. Обострилась криминогенная обстановка. Во всей полноте проявились признаки социальной апатии, психологической усталости, нарастания стрессов. Обретение суверенитета сопровождалась невиданным обнищанием народа, не говоря уже о духовно-нравственных разочарованиях. По некоторым экспертным оценкам, в итоге «суверенных реформ», проведенных в первые 10 лет, в выигрыше оказалось 2% населения, 18% сохранили статус-кво, то есть не проиграли. Оставшиеся 80% населения превратились кто в бедных, кто в нищих [1, с. 110].

Если согласиться с мнением, что предназначение государства состоит в том, чтобы обеспечить социальную справедливость, то надо признать, что украинский народ в советскую эпоху проживал в социальном государстве (пусть в

несовершенном и в недостаточно правовом). Обретя суверенитет, Украина не только не стала правовым государством, но и перестала быть социальным. На Украине бывали периоды, когда самый богатый человек имел состояние, равное 40% государственного бюджета, а государство более чем на 80% утратило контроль над национальными ресурсами [5, с. 251].

Особенностью украинского проекта является постоянно возрастающее расхождение между идеей суверенитета и реальностью. Суверенитет в принципе есть возможность и способность независимого правления. Правление должно обеспечивать, по крайней мере, первичные потребности населения, в противном случае суверенитет теряет свой смысл и легитимность. Если приобретенный суверенитет не обеспечивает национальные интересы – он не оправдывает своего предназначения по определению.

«Суверенитет» Украины зиждется на зыбких основаниях. Прежде всего следует подчеркнуть, что суверенитет завоёвывают, а не получают даром. Суверенитет для Украины в 1991 года явился в виде случая, фортуны, подарка судьбы. Кто-то из великих мимоходом заметил, что эйфория по поводу нечаянного приобретения, увы, в один миг оборачивается ощущением невосполнимой утраты. Нечто подобное случилось и с Украиной. Формальный суверенитет вступил в противоречие с суверенитетом фактическим. Недостаточно провозгласить суверенитет, образовать государственные институты, принять Конституцию, учредить национальную валюту, создать собственные армию и службу безопасности. Не менее важно добиться легитимности суверенитета, то есть повсеместного и всеобщего признания населением целей и задач суверенного государства. По факту, украинский проект почти сразу столкнулся с так называемым синдромом бинарности или дуализма [5, с. 250–252].

Народ Украины оказался далеко не монолитным в вопросах официального языка, исторической памяти, формы государственного территориального устройства, внешнеполитического вектора развития. Постепенно несовпадение взглядов переросло в устойчивое противостояние ценностей по линии Запад-Центр – Юго-восток. Поначалу верх взяла доктрина, согласно которой единым государственным языком оказался украинский, а история страны есть история нации в отрыве от общей с Россией истории. В её русле – героизация Мазепы, Бандеры и Шухевича, принцип унитарной формы государства и Евро-Атлантический вектор внешней политики. Закономерно, что со временем эта доктрина вошла в острый внутригражданский конфликт с альтернативными установками на официальное двуязычие и на толкование отечественной истории в контексте общей истории трех братских народов со времен Киевской Руси и на отношение к деятелям типа Мазепы, Бандеры и Шухевича как к предателям и пособникам враждебных сил. Вместо унитаризма здесь – федерализация Украины, евроатлантический курс заменяется установкой на развитие дружеских отношений с Россией и другими странами СНГ.

Государственный суверенитет Украины, будучи легальным, фактически оставался нелегитимным. Страна оказалась расколота как ментально, так и политически. Каждая из сторон имела свою правду. Одним казалось, что Украина

недостаточно украинская, другие полагали себя принудительно украинизированными, и обе стороны не хотели ни понять друг друга, ни уступить один другому. Борьба за президентский пост разделяла граждан одной страны чуть ли не на своих и чужих. Поражение «своего» кандидата воспринималось весьма болезненно как на Западе, так и на Востоке. И проблема вовсе не в том, как считают некоторые политологи, что, мол, власть не стремилась к компромиссу между интересами двух частей страны. Проблема, скорее, в том, что в украинском проекте был заложен внутренний конфликт, не подлежащий урегулированию, конфликт по типу «схватки», который разрешается победой исключительно одной из сторон.

Этот тезис не означает, естественно, что не следовало предпринимать никаких мер к согласованию интересов. У верховной власти должны были быть наработаны тактические ходы по предотвращению общенационального кризиса, наступление которого предвидеть было несложно. На наш взгляд, существовало как минимум два субпроекта внутри большого украинского проекта: гибкий («мягкий») или радикальный («жесткий»).

Суть первого заключалась в поиске пусть временного, но все же компромисса по купированию государственной недостаточности. Для этого необходимо было договариваться о решении следующих задач. Задача первая – внешнеполитическая – сводилась к установлению баланса отношений между Россией и Западом. Украине надлежало оставаться нейтральной внеблоковой страной в военно-политическом сегменте. Кроме того, в экономическом плане следовало исходить исключительно из национальных интересов, а не искать экономических дивидендов в зависимости от политических предпочтений. Во внутренней политике каждая из сторон должна была сделать шаг навстречу другой. Скажем, Юго-восток соглашается с тем, что украинский язык есть единственный государственный, а Центр и Запад принимает идею федерализацию страны, которая позволила бы смягчить противоречия в гуманитарной сфере. Такой компромисс мог бы ослабить внутренний гражданский антагонизм или, по крайней мере, отодвинуть на какое-то время национальную катастрофу.

Второй субпроект – радикальный. Он означал бы раздел Украины на два государства: Украину и Новороссию или Русскую Украину. Новороссия включила бы в себя Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Запорожскую, Днепропетровскую, Донецкую, Луганскую, Харьковскую области и Автономную Республику Крым. Этот вариант мог быть реализован в период президентства Януковича. После восстановления президентских полномочий Конституцией 1996 года властный ресурс Януковича был практически неограниченный. Если бы проект «Новороссия» совпал с личными планами президента Януковича, он имел бы все шансы на успех. Последний вариант, при подключении к нему глобальных игроков РФ, ЕС и США, был бы менее болезненным для украинского населения и мог бы устроить всех участников проекта.

Однако «суверенная» украинская власть предпочла третий вариант – самый худший из возможных. Этот вариант носил принудительный характер. Власть упорно настаивала на унитарности государственного устройства, сохраняла непреклонность в языковом вопросе – исключительно один государственный язык

(украинский). С каждым годом отношения с Россией становились все прохладнее и отчужденнее. В предельно сжатые сроки братские отношения сменились на добрососедские, а эти, в свою очередь, на партнерские, только прагматичные. Затем появился слоган «Украина – не Россия». В массовое сознание людей настойчиво вбрасывается тезис о европейскости Украины – «Україна – це Європа». Уходит в прошлое стратегия многовекторности, ей на смену идет стратегия евроинтеграции. Так украинское государство усекло историческую память, предало забвению триста лет общих бед и общих побед. В Украине утверждаются только «национальные герои», прежних (советских) подвергают шельмованию. Великая война перестала быть Священной и Отечественной, её «переводят» в разряд просто Второй мировой, как в Европе и США. Украинский проект приобретает характер нероссийского проекта.

С течением времени каких-либо осязаемых преимуществ от государственного суверенитета народ Украины не ощутил. Более того, степень разочарования от несбывшихся надежд становится все глубже и сильнее. И когда одурманенному народу бросили наживку в виде права на бунт против власть предержащих, тот «заглотил» её всю без остатка. Обманутый народ поверил, что он – субъект истории и вершитель собственной судьбы. Заокеанские политтехнологи, потерпев неудачу в антиправительственной акции «Украина без Кучмы», взяли реванш, организовав спецоперацию под названием «Оранжевая революция». При этом провели её настолько виртуозно, что абсолютное большинство как участников Майдана, так и украинского населения не заподозрили, что явили собой всего лишь орудие свержения неугодной власти и всей своей мобилизованной энергией сработали не на себя, а в интересах американских кукловодов. Первый Майдан, говоря непредвзято, ещё содержал в себе революционную романтику, украинскую мечту, надежду исправить все к лучшему с помощью «мессии», подлинно «народного» президента. Но не зря говорят: «чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться». Менее года оказалось достаточно, чтобы зашкаливающий рейтинг В. Ющенко упал до неприличия, и «народный» президент в сознании украинцев «реинкарнировался» из «мессии» в бухгалтера районного масштаба, а «Оранжевую революцию» объявили бездарно и коварно преданной.

Разочарование в неудаче «Оранжевой революции» было так велико, что народ оцепенел от досады, впал в состояние апатии и протрации. Сработал закон маятника. Политологи заговорили о том, что следующему майдану быть не раньше, чем через поколение. Казалось, так тому и быть. В. Ющенко с треском провалился на очередных выборах и сделал все для победы своего оппонента в «майданный» период. Все попытки оппозиции мобилизовать население на акцию «Повстань, Україно» были малорезультативны. Народ безмолвствовал. Власть Януковича казалась прочной, особенно после провозглашения курса на евроинтеграцию в форме ассоциированного членства. Объявив готовность Украины подписать договор об ассоциации с ЕС, украинская власть получала тактические дивиденды, но совершала стратегический просчет. Курс на евроинтеграцию на время делал власть Януковича стабильной в плане отношений как с внутренней оппозицией, так и с западными кураторами. Все попытки российской стороны убедить украинцев в

невыгодности ассоциации и предупреждения о том, что Россия примет контрмеры в защиту своих экономических интересов, что в свою очередь, ударит по интересам Украины, не были услышаны.

Резкий политический разворот Януковича обернулся катастрофой как для него лично, так и для государства в целом. Согласимся с мнением о том, что второй майдан, завершившийся государственным переворотом, был мстью солидаризировавшегося Запада Януковичу за нарушение правил политической игры. Второй Майдан представляет собой чисто технологический феномен. Здесь соединились воедино все составные элементы «цветной революции»: социальный протест, финансовые вливания, разжигание страстей, оголтелая пропаганда, провокации, использование боевиков, политическая поддержка Запада и т. д. У Януковича и без Майдана практически не было шансов на повторный президентский срок. И, тем не менее, потребовался госпереворот, санкционированный извне и легитимированный «правовым» Западом. В этой акции четко просматривается уязвимость украинского государственного суверенитета. Если решения по такому важному вопросу, как смена власти, да ещё и неконституционным путем, принимаются за пределами государства, то это дает все основания говорить об ограниченном суверенитете, если не о полном его отсутствии.

Государственный переворот оказался кульминационным пунктом в истории украинского политического проекта. Образно говоря, это была попытка иррациональным способом выйти из иррациональной ситуации. Не получилось. Каковы же последствия насильственной, неконституционной смены власти на Украине в феврале 2014 года? Условно их можно разделить на ближайшие, среднесрочные и долгосрочные.

К ближайшим последствиям относится смена тезиса «Украина – не Россия» на постулат «Украина – это анти-Россия». Вся вина за провал украинского политического проекта возложена на Россию. В Украине нет никакой гражданской войны, это Россия-агрессор напала на Донбасс, аннексировала Крым. Украина воюет с ядерной державой и является передовой линией фронта, пролегающей между цивилизованным Западом и варварской Россией. Под флагом декоммунизации идет процесс тотальной дерусификации: переименовываются города и села, улицы и проспекты, оскверняется советский период украинской истории, подвергается поруганию символ воинской славы – Георгиевская ленточка, по сути, упразднен День Победы. С подачи государства часть общества впала в состояние коллективного безумия, ненависти ко всему советскому и русскому.

При этом почти не слышно трезвых голосов о том, что за авантюрные политические действия положено нести ответственность. Если кто-то вздумал развести костер в собственном доме, потеряв страх спалить его дотла, то почему он считает, что его сосед будет спокойно взирать, как языки пламени будут тянуться к его очагу? Если организаторы и активисты госпереворота считают возможными публичные призывы «навести порядок» в «нестабильных» регионах страны (например, в Крыму и на Донбассе), то почему они полагают, что крымчане и дончане будут в бездействии хладнокровно прикидывать, придут ли бойцы

«правого сектора» к ним для осуществления угрозы или они в запале «неловко пошутили». Мятежники не могут взять в толк, что крымчане сработали на опережение и, выразив желание сохранить у себя дома черноморский флот, не допустив американский, обратились к России с просьбой принять Крым и Севастополь в свой состав. Для граждан России, включая новые субъекты, очевидно, что президент Путин никакой не агрессор, а выдающийся политик, защитивший своё государство ввиду реально возникшей угрозы вхождения Украины в НАТО со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Украинское руководство, однако, не желая взять на себя вину за утрату территорий, не официально, но, по сути, объявило России войну. Разрушены экономические связи, торговля, ведется информационная война. На всех международных площадках Украина требует усиления санкций против России, всерьез рассчитывает разрушить Россию по образцу развала СССР. Но главная трагедия для Украины в этом пункте состоит в том, что турчиновым, яценюкам, парубиям и порошенкам удалось то, к чему 100 лет назад призывали основатели украинского национализма Михновский и Донцов. Им отчасти удалось поссорить два братских народа. Они добились враждебного отношения многих украинцев к русским. И в этом заключена самая крупная трагедия украинского народа.

Госпереворот породил и укрепил ряд опасных тенденций в украинской политической жизни. Прежде всего – это утрата монопольного права государства на применение насилия. Параллельно с государственными силовыми структурами на Украине существуют неподконтрольные Киеву вооруженные формирования. В этом смысле Украина есть государство с предельно ослабленным суверенитетом. При этом незаконные боевые единицы уже перерастают рамки батальонов, трансформируются в полки. Некоторые из них воюют на Донбассе, обстреливают мирные кварталы Донецка, Горловки и другие населенные пункты, игнорируя при этом обязательства государства, принятые минскими соглашениями.

Социально-экономическое положение Украины до переворота ни в какое сравнение не идет с нынешним. Промышленность разрушена, внешний долг превысил предельно допустимый уровень, тарифы на коммунальные услуги для населения запредельные, бюджетная сфера и пенсионный фонд еле дышат. Страна напоминает тяжелобольного, подключенного к аппарату искусственного дыхания. Финансовая поддержка сведена к минимуму, платить по долгам, по сути, нечем.

Украина как государство находится в сложнейшем положении касательно минского процесса. С целью выиграть время, поставленная на грань крупного военного поражения, а также ввиду невозможности подчинить своей воле повстанцев Донбасса, украинская власть пошла на подписание минских соглашений. Сегодня уже ясно, что Киев не в состоянии исполнить взятые на себя обязательства. Для действующего президента выполнение минских договоренностей означает стать предателем и потерять власть. Невыполнение же приведет к окончательной потере Донбасса, за что также полагается политическая ответственность, а, возможно, за участие в военных преступлениях, и уголовное преследование. Чем дальше, тем сложнее скрывать от мирового сообщества правду. Правду о госперевороте, о гражданской войне, об убийствах мирного населения, о

пытках в застенках СБУ, о том, кто сбил малазийский «Боинг» и, самое важное, – правду о государственной недостаточности Украины. Как сказать правду о столь нужном власти пиар-приеме «перекладывания негатива с большой головы на здоровую»? Все собственные пороки и просчеты (комплекс неполноценности, стратегическое бесплодие, тактическая беспомощность, политическая «шароварщина», отсутствие позитивной объединяющей идеи) власти Украины пытаются закамуфлировать, а во всех мыслимых и немыслимых грехах обвиняют Россию.

В итоге становится очевидным, что очередная историческая попытка украинской элиты этатизировать нацию закончилась провалом. Имея на этот раз колоссальную поддержку извне, инициаторы и подвижники создания независимой соборной Украины так и не смогли достичь цели. Формальное учреждение государственных символов и институтов оказалась недостаточным для полноценного суверенитета. «Учредители» государства не смогли выдвинуть объединяющей страну национальной идеи, которую в равной мере разделяли бы регионы традиционной Украины, Галичины, Новороссии и Крыма. Ставка на создание нерусской Украины повсеместной поддержки не получила. За годы независимости государство сократилось и численно, и территориально. Украинский проект длительное время получал финансовую поддержку из-за рубежа. Запад был заинтересован в создании вблизи границ Российской Федерации враждебного ей государства. Замысел удался частично. Вражду к России удалось посеять, а вот устойчивого государства нет. В последнее время наблюдаются симптомы утраты интереса заокеанских кукловодов к украинским делам и проблемам. Если американцы и европейцы окончательно прекратят политическую и финансовую поддержку Украины, её судьбу можно предсказать в двух словах – национальная катастрофа.

Не будем предсказывать, произойдет она в форме распада государства на феодальные вотчины, или страна будет разделена на сферы влияния между Западом и Россией по линии Одесса-Харьков, или формально сохранится в нынешних пределах, катастрофа от этого не перестанет быть катастрофой. Существует же на политической карте мира Сомали. Но кому придет в голову считать Сомали суверенным, правовым, социальным государством?

Все возвращается на круги своя. Украинский народ – многочисленный, трудолюбивый, культурный, не агрессивный, жизнерадостный, певучий, но ... не государственный. Не государственный в том смысле, что в своей политической культуре так и не обрел устойчивого механизма продуцирования собственной державной элиты. Место национально-государственной элиты занимает этно-эгоистическая элита (национально олигархическая, компрадорская, местечково-хуторянская). Соответственно, Украина, за исключением Богдана Хмельницкого, никогда не имела подлинных лидеров нации, т. е. вождей, способных выражать и отстаивать коренные интересы нации. На Украине, как в прошлом, так и в настоящее время отсутствует необходимая для становления государственности цепь из трех звеньев: народ – элита – лидер. Напрямую, из народных масс, минуя элитную ступень, можно получить лишь вожака типа Бандеры, но никак не

общенационального лидера. Невольно возникает вопрос – как долго украинскому народу предназначено жить не в национальном государстве, а в сложноустроенных государственных образованиях с наднациональными институтами? Украинский народ никогда не жил так благополучно, как в Советской Украине в 50–70-е годы. И никогда он не жил так плохо, как при Украине независимой.

Предотвратить общеукраинскую катастрофу сегодня может только Россия. Но станет ли она это делать после всех выпадов и оскорблений в её адрес, а, главное, после предательства общей истории и Родины?

Список литературы

1. Даховник Л. Л. Місце та роль інститутів соціал-демократії в політичній модернізації суспільства: Дис. ... канд. політ. наук. – Севастополь, 2008. – 172 с.
2. Історія політичної думки: навч. енцикл. Словник-довідник для студентів вищ. навч. закл. / за ред. Н. М. Хоми [В. М. Денисенко, Л. Я. Угрин, Г. В. Шикинов та ін.]. – Львів: Новий Світ-2000, 2014. – 766 с.
3. Философия: учебное пособие / под ред. А. С. Глушака, Ю. Ф. Сафонова, А. А. Чемшита. – Киев: Украинский центр духовной культуры, 1999. – 380 с.
4. Чемшит А. А. Основы политологии: Учебное пособие / А. А. Чемшит. – Севастополь: изд-во «СевГТУ», 1996. – 256 с.
5. Чемшит А. А. Синдром бинарности украинской государственности / А. А. Чемшит // Культура народов Причерноморья. – 2007. – №106. – С. 250–252.

Chemshit A. A. Ukrainian Project: from Political Romanticism to National Catastrophe // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 115-126/

Implemented by Ukrainian political analysis of the state of the project. The romantic ideal, which guided the initiators of the sovereignty of Ukraine stands as a starting point. It is noted that national sovereignty is not given for nothing. The sovereignty, i. e. the right to an independent state power win a hard-fought struggle. In Ukraine, in 1991 the government itself fell to the feet of supporters of Ukrainian independence. Ukrainian sovereignty is not the merit of the Ukrainian people or the elite, he was a direct consequence of helplessness Soviet partocracy. Attention is drawn to the ideological justification of "independence" Ukrainian political scientists and historians. Examples of nationalist heritage N. Mikhnovsky and creativity M. Hrushevsky. In view of the disposition of the West to the independence of Ukraine and facilitated relationships to sovereignty of the ruling class, the early period of the Ukrainian state is treated by the author as a romantic. The author notes that in the future Ukraine was faced with harsh reality. Institutions of state institutions, the proclamation of the far-reaching plans, elation was not enough for the normal functioning of the state. The author is convinced that Ukraine initially suffered from an incurable disease – state failure. The meaning of state failure is the inferiority of the Ukrainian elite. Ukraine has never been a state, because it has never been the state elite. The Ukrainian people can not produce normal political aristocracy. Lots of what he can do – it's a small-town-khutoryanskaya or ethno-oligarchic, but in any case the comprador elite. In view of this it is impossible to advance the fundamental unifying national idea. We have to rely on non-Russian idea, and then – an anti-Russian policy. This strategy is disastrous state for two reasons. She finds no consolidation within and unpromising from the outside. The author comes to the conclusion that Ukraine has once again demonstrated the futility in terms of nation-building, having risen from political romanticism to a national catastrophe.

Keywords: political romanticism, national sovereignty, coup, state failure, national disaster.

References

1. Dahovnyk L. L. Misce ta rol' institutiv social-demokratii v politichnij modernizacii suspil'stva [The Place and Role of Institutions of Social Democracy in the Political Modernization of Society]. Thesis for a Degree in Political Science. SevNTU, Sevastopol, 2008, 172 p.
2. Istorija politichnoi dumki: navch. encikl. Slovnik-dovidnik dlja studentiv vishh. navch. zakl. History of Political Thought: Study Encyclopedia. Dictionary-guide for Students of Higher Education Institution under edit. N. M. Homas. V. Denisenko, L. Y. Uhryn, G. V. Shykunov et al. Lviv: the New World, 2000, 2014, 766 p.
3. Filosofija: uchebnoe posobie [Philosophy: Training Aid] under edit. A. S. Glushak, Y. F. Safonov, A. A. Chemshit. Kiev, Ukrainian Center for Spiritual Culture, 1999, 380 p.
4. Chemshit A. A. Osnovy politologii: Uchebnoe posobie [Fundamentals of Political Science: a Training Aid]. Sevastopol, Publishing House "SevGTU", 1996, 256 p.
5. Chemshit A. A. Sindrom binarnosti ukrainskoj gosudarstvennosti [Syndrome of Ukrainian Statehood Binariness]. Culture of the Prichernomorie. Science Magazine. Simferopol, 2007, no. 106, P. 250–252.